ПРЕДКИ.

Разсказъ Алексѣя Романовича о Куликовской битвѣ сильно подѣйствовалъ на тихинькую, скромную Лину; часто, вспоминая его, дѣвочка думала о древнихъ русскихъ князьяхъ и боярахъ, ей даже приходило въ голову, какъ бы хорошо было, если–бъ она происходила отъ одного изъ тѣхъ витязей.

— Мама, сказала однажды Лина, — а вѣдь я бы желала, чтобы Владиміръ Храбрый или Дмитрій Бобровъ были моими предками.

— Въ самомъ дѣлѣ, ты бы желала этого? спросила ее мать.

— Очень, очень желала бы, отвѣчала Лина.

— А знаешь ли, Линхенъ? если бы ты была русской княжной или русской дворянкой, то не была бы нашей дочкой.

— Какъ такъ? спросила Линочка.

— Да такъ, дитя мое; мы хотя и любимъ Россію и считаемъ ее своей единственной

родиной, а все же мы не русскіе, потому что отцы и дѣды и прадѣды наши были нѣмцы.

— Ахъ, мама, какъ мнѣ это жаль! сказала дѣвочка, всплеснувъ руками, — мнѣ бы такъ хотѣлось, чтобъ и у меня были предки.

Эмилія Ѳедоровна расхохоталась. — Ахъ, ты дурочка, сказала она, — будто только у однихъ русскихъ и есть предки! да знаешь ли, что нѣтъ на свѣтѣ человѣка, у котораго бы не было предковъ, т. е. дѣдовъ, прадѣдовъ и пращуровъ; вся разница только въ томъ, что пращуру князя Виктора или Володи Муромскаго, посчастливилось прославиться какимъ нибудь воинскимъ подвигомъ; соотечественники ихъ воздаютъ имъ должную честь за то, хотя мимоходомъ скажу, потомкамъ не слѣдуетъ гордиться этой честью, — они должны по возможности лично поддерживать ее.

— Мама, милая моя мама, говорила дѣвочка, обнимая мать, — какъ бы я старалась, какою бы я была умницей, если

бы только у меня были предки! Ахъ, зачѣмъ мои предки не славны! заключила она сквозь слезы.

Эмилія Ѳедоровна перестала смѣяться, и спокойно спросила дочь свою, въ чемъ она полагаетъ славу? въ одномъ ли воинскомъ, или такъ же и въ гражданскомъ подвигѣ?

Лина молча вздыхала; она очень помнила разговоры отца съ матерью о славѣ, помнила и то, что Сашина бабушка еще такъ недавно сказала дѣтямъ: всякое истинно–полезное дѣло можетъ быть славнѣе завоеванія; но недавно слышанный разсказъ о Мамаевомъ побоищѣ такъ ей нравился, она такъ полюбила славныхъ витязей, отстоявшихъ Русь, что ей только и представлялись предки въ лицахъ Дмитрія Донскаго, Владиміра Храбраго и прочихъ ихъ сподвижниковъ.

— Ахъ, какіе они славные, безстрашные, добрые! восторженно сказала дѣвочка, но видя, что мать считаетъ петли чулка, Лина замолчала и такъ же принялась за работу. Черезъ четверть часа, однакожь, она опять

жалобно спросила мать: — Мама, вѣдь въ Германіи, откуда переѣхалъ папинъ дѣдушка, такъ–же были храбрые воины?

— Конечно, были, отвѣчала мать, и самые храбрые и знатные изъ нихъ назывались рыцарями; они жили въ укрѣпленныхъ замкахъ, выбирали изъ помѣстій своихъ сильныхъ, отважныхъ людей, вооружали ихъ, обучали воинскому искусству и, въ случаѣ войны, предводительствуя ими, вели рать свою на помощь верховному правителю, или помогали сосѣднему рыцарю, когда на того нападалъ непріятель. Обязанность рыцарей была, не жалѣя себя, стоять за вѣру, за родную землю, за верховнаго государя, за слабыхъ и угнетенныхъ. Вначалѣ, рыцарство крѣпко держалось своихъ правилъ, но впослѣдствіи, много испортилось. Каждый рыцарь, чтобъ обучить сына своего военному искусству, отсылалъ его четырнадцати лѣтъ къ какому нибудь знаменитому подвигами собрату своему: мальчикъ поступалъ въ пажи, служилъ рыцарю и супругѣ его. Потомъ,

пажа производили въ оруженосцы; обязанность оруженосца состояла въ томъ, чтобы вездѣ сопутствовать рыцарю, прислуживать ему и содержать въ порядкѣ оружіе его. А двадцати одного года, если оруженосецъ оказывался достойнымъ, то его съ торжественными обрядами посвящалъ самъ король въ рыцари. Новопосвященный рыцарь избиралъ самъ себѣ девизъ, т. е. коротко выраженное правило, которымъ желалъ руководиться въ жизни, и писалъ его на щитѣ своемъ; потомъ обращался къ дамѣ, болѣе всѣхъ имъ чтимой и любимой, просилъ у нея на память перевязи, какія, по тогдашнему обычаю, носили рыцари сверхъ латъ черезъ плечо. Снарядясь такимъ образомъ, рыцарь ѣхалъ искать подвиговъ; къ нему присоединялись товарищи, и вмѣстѣ съ нимъ, нерѣдко очищали страну отъ разбойниковъ, охотились за дикими звѣрями, которые обижали бѣдныхъ поселянъ, сражались нерѣдко и со своимъ братомъ рыцаремъ, если тотъ, забывъ свой долгъ, грабилъ проѣзжихъ, или отнималъ

замки и земли у рыцарскихъ вдовъ и сиротъ. Вскорѣ, объ добромъ, молодомъ рыцарѣ разносилась хорошая слава; пѣвцы, которыхъ тогда звали *трубадурами*, сочиняли ему въ честь пѣсни; его всѣ ждали съ нетерпѣніемъ на *турнирахъ* т. е. на праздничныхъ пробныхъ бояхъ, куда отовсюду съѣзжалось знаменитое рыцарство, помѣриться другъ съ другомъ силами.

— Ахъ, мама, это очень хорошо! сказала заслушавшаяся Лина, — я бы ужь пожалуй согласилась....

— Что? ты–бы согласилась считать предкомъ своимъ знаменитаго рыцаря? спросила опять засмѣявшись Эмилія Ѳедоровна. — Да, дитя мое, какъ не согласиться, особенно, когда подумаешь, въ какихъ прекрасныхъ замкахъ жили рыцари, какъ нарядно одѣвались ихъ жены и дочери!

— Да, да, мама, потдакивала раскраснѣвшаяся Лина, — помнишь ли, мама, ту хорошенькую картинку: *возвращеніе рыцаря*? Какъ была нарядна

супруга его въ желтомъ, длинномъ платьѣ со шлейфомъ, въ голубомъ корсажѣ, опушенномъ горностаемъ, на головѣ же зубчатая коронка, а на шеѣ жемчугъ!

— Очень, очень красиво! ужь ради одного наряда можно пожелать быть ея внучкой, — не правда–ли, Лина? спросила ее мать.

— Мама, ты шутишь? въ недоумѣніи сказала дѣвочка.

— Разумѣется шучу; — развѣ человѣкъ хорошъ по наряду! помнишь ли, замѣтила дочери Эмилія Ѳедоровна, — какъ ты прошлаго года на кукольномъ вечерѣ познакомилась съ Сашей, Мэри и Алей? вѣдь онѣ полюбили тебя и сочли достойной, не смотря на твое бѣдное платьеце!

— Ахъ! помню мама, — мнѣ тогда было очень скучно! Помолчавъ немного, Лина сказала: — я люблю рыцарей не за одинъ нарядъ ихъ, а за то, что они были хорошіе.

— Однако, было много и дурныхъ; были рыцари–разбойники, замѣтила опять Эмилія Ѳедоровна.

— Мама, я не хотѣла бы, чтобы мой предокъ былъ дурной рыцарь....

— По видимому, Линхенъ, ты ставишь воинскую доблесть выше всѣхъ иныхъ заслугъ, и коли хочешь, оно по видимому такъ и есть: военная слава шумнѣе всякой иной, военныя заслуги всегда награждались щедрѣе прочихъ. Знаменитые рыцарскіе и дворянскіе рода ведутъ начало свое отъ славныхъ полководцевъ и завоевателей; встарь это было понятно по грубости нравовъ и по всесвѣтному кулачному праву. Но вѣдь доблести этихъ витязей оцѣнены только съ одной стороны, другая же истина человѣческая, т. е. нравственная сторона, осталась намъ по большей части неизвѣстною. Подумай, дитя мое, что военное поприще не составляетъ сущности въ обязанностяхъ человѣка и гражданина, напротивъ того, человѣкъ созданъ на мирную, полезную жизнь, и едва–ли не выше завоевателя стоитъ тотъ, кто на мирномъ поприщѣ принесетъ большую пользу. Сейчасъ вспомнила я одну историческую книгу, изъ которой будетъ

очень кстати нѣчто сообщить тебѣ для подкрѣпленія моихъ доводовъ.

На западной границѣ Франціи, въ давно покоренномъ ею Эльзасѣ, въ Вогезскихъ горахъ стоитъ полуразрушенный замокъ *Штейнъ* (по французски: Chateau de la Roche). Принадлежащая ему земля называется *Штейнталемъ*. Мѣстоположеніе ея живописно; видъ изъ замка великолѣпенъ: Рейнъ, какъ на ладони, снѣжныя Альпы высятся на югѣ, а кругомъ стоятъ скалистыя или поросшія лѣсомъ Вогезы. Въ началѣ среднихъ вѣковъ, Штейнталь, со всѣми на немъ лежащими селеніями и деревушками, принадлежалъ владѣльцамъ замка Штейна. Мѣстная исторія говоритъ объ этихъ владѣльцахъ, что они были рыцари–разбойники, наводившіе ужасъ на всю страну. Рыцари эти славились богатствомъ и знатностью, но богатство ихъ было запятнено кровію; славное же имя ихъ заставляло блѣднѣть отдаленныхъ жителей страны. Преданіе говоритъ, что одно время, Штейнъ принадлежалъ какимъ–то тремъ

принцессамъ, роднымъ сестрамъ, которыя также жили разбоемъ и не давали никому проѣзда, что нѣсколько сосѣднихъ владѣльцевъ сговорились взять замокъ приступомъ во время свадьбы одной изъ принцессъ, и только благодаря сильному туману, они, незамѣченные, подошли къ неприступному замку и захватили его въ расплохъ. Разсказываютъ, что еще въ срединѣ прошлаго столѣтія, видна была на церковной стѣнѣ въ Фудѣ картина, изображающая взятіе замка Штейна и владѣтельницъ принцессъ въ цѣпяхъ. Штейнъ переходилъ изъ рукъ въ руки; большая часть владѣльцевъ его занималась грабежемъ. Въ 1469 году, городъ Страсбургъ, условясь съ Лотарингскимъ герцогомъ уничтожить разбойничное гнѣздо это, обложили и обстрѣливали его 8 дней; наконецъ замокъ здался, рыцарь Ратзамхаузенъ Фронштейнъ взятъ въ плѣнъ и посаженъ въ тюрьму. Въ 1723 году, по Вестфальскому миру, провинція Эльзасъ отошла къ Франціи и король Французскій наградилъ замкомъ и всѣмъ Штейнталемъ

съ деревнями и селами губернатора Эльзаскаго д ‘Аржанъ Вилье; отъ него замокъ перешелъ въ другія и третьи руки, но ни рыцари разбойники, ни знатные господа, которыхъ короли Франціи жаловали Штейнталемъ, не заботились о его благосостояніи, и еще въ половинѣ прошлаго вѣка, въ цвѣтущей, образованной и роскошной Франціи онъ стоялъ, какъ уголокъ позабытый со времени среднихъ вѣковъ. Штейнталь стоитъ въ суровой, горной мѣстности, отрѣзанной глубокимъ раздоломъ отъ Вогезскихъ горъ; почва его камениста, покрыта лѣсомъ, лугами и болотами; 30 лѣтняя война раззорила его такъ, что сто лѣтъ спустя, въ пяти селеніяхъ, при трехъ приходскихъ церквахъ числилось менѣе сотни семей, да и тѣ едва кормились плохимъ картофелемъ и дикими плодами. Почва была запущена, необработана, жители лѣнивцы, скотски грубы, и такъ, какъ сообщеніе съ ближайшимъ городомъ Страсбургомъ было почти невозможно, то они оставались безъ всякаго пособія; имъ не доставало ни

земледѣльческихъ орудій для обработки земли, ни домашней утвари, ни удобной одежды, ни сноснаго, простаго жилья, которыя высѣкали себѣ въ скалахъ, или лѣпили на обрывахъ; они даже не умѣли сберегать зимой единственную пищу свою: мерзлый картофель, который производилъ болѣзни, — но они и мерзлому были рады! если же у кого заводилась горсть соли, то тотъ считалъ обѣдъ свой роскошнымъ. Школы только числились, — не было ни учителей, ни книгъ; дѣтей сгоняли въ какую–нибудь развалившуюся хижину, приставляли къ нимъ въ дядьки больнаго, никуда не годнаго бобыля, кормили его, и болѣе ничего съ него не спрашивали. Одинъ путешественникъ, пришедъ въ главное Штейнтальское село, Вальдбахъ, пожелалъ осмотрѣть училище. Подозрительно встрѣтивъ его, грубые, оборванные жители, ничего не отвѣчали ему на вопросы; наконецъ, одинъ прохожій указалъ на развалившуюся хижину. Вошедъ туда, путешественникъ оглушенъ былъ со всѣхъ сторонъ крикомъ и гамомъ; оборванные

мальчишки играли, возились и дрались. На вопросы: гдѣ учитель? кто–то изъ нихъ указалъ на лежащаго въ углу въ лохмотьяхъ больнаго старика.

— Вы учитель? спросилъ путешественникъ.

— Я, отвѣчалъ старичекъ.

— Чему–же вы обучаете?

— Ничему.

— Почему же вы ничему не учите?

— Потому что самъ ничего не знаю.

— Но какимъ же образомъ вы попали въ учителя?

— Да вотъ какъ, добродушно отвѣчалъ старикъ: — я не вѣсть съ коихъ поръ былъ здѣсь свинопасомъ, ну, и какъ силъ моихъ не стало гоняться за стадомъ, то община уволила меня отъ этой должности и приставила къ ребятамъ.

Путешественникъ грустно покачалъ головой.

Это былъ вновь назначенный туда пасторъ Штуберъ. Штуберъ употребилъ всѣ усилія ввести лучшую жизнь въ Штейнталѣ, но онъ пробылъ тамъ не долго, его

перевели на высшее мѣсто въ Страсбургъ. Однако, забота о бѣдномъ Штейнталѣ не покинула Штубера до тѣхъ поръ, пока онъ не нашелъ себѣ достойнаго преемника. Молодой, очень образованный, набожный, неутолимый пасторъ Іоаннъ Фридрихъ Оберлинъ, который, поселившись въ Штейнталѣ, горячо принялся съ женой своей за громадное дѣло улучшенія, начиная отъ почвы Штейнталя, до его полускотскаго населенія. Чѣмъ болѣе знакомился молодой пасторъ съ приходомъ, тѣмъ болѣе открывалась нищета, невѣжество и суровость Штейнтальцевъ.

— Нѣтъ, сказалъ однажды пасторъ женѣ своей, возвращаясь со схода, — я вижу, что намъ съ тобой прійдется дѣйствовать не одними наставленіями, а самымъ дѣломъ, т. е. собственнымъ примѣромъ. Хочешь–ли, Марія, помогать мнѣ въ моемъ трудѣ?

Жена его быстро встала и радостно подала ему руку на высокій подвигъ, и съ тѣхъ поръ, Марія Магдалина Саломея Оберлинъ участвовала во всѣхъ

предпріятіяхъ своего мужа. Она съумѣла пересилить въ себѣ нѣкоторую изнѣженность и русскую привычку барствовать, (мать ея была урожденная Лукина, вышедшая замужъ за Страсбургскаго профессора Витера). Мужу и женѣ предстоялъ неимовѣрный трудъ: прихожане два раза покушались на жизнь своего пастора, но горячо вѣрующій Оберлинъ самъ шелъ на встрѣчу опасности, говоря: что волосъ съ головы его не упадетъ безъ воли Божьей, что служа приходу своему, онъ исполняетъ волю Господню, и Господь наставляетъ его, какъ поступать и дѣйствительно. Являясь внезапно среди заговорщиковъ, онъ до того смущалъ ихъ своими тихими, спокойными, но положительными рѣчами, что каждый изъ виновныхъ дѣлался вскорѣ его защитникомъ и поборникомъ.

Первая бѣда Штейнтальцевъ была совершенная бездорожица; даже въ самомъ приходѣ, сообщеніе было трудно; лѣтомъ еще кое какъ ходили по скаламъ и болотамъ, но зимою тропинки заносило

снѣгомъ и люди брели на угадъ. Большая же дорога, ведущая въ Страсбургъ, была просто гибельна; она вилась по скаламъ и по окраинѣ обрывовъ. Въ дождливое время или въ заморозки, ноги пѣшехода скользили, и зачастую, обрываясь, люди падали въ пропасть съ огромною ношею углей, которую они на плечахъ своихъ таскали въ Страсбургъ. Частыя несчастія эти наводили ужасъ на Штейнтальцевъ, и они предпочитали лучше голодать дома, чѣмъ, ради нѣкотораго довольства, подвергаться опасности. Несчастное положеніе это очень заботило пастора. Обдумавъ хорошенько дѣло, Оберлинъ въ Воскресеніе сказалъ приходу рѣчъ о необходимости устроить безопасную дорогу въ городъ и, недожидаясь возраженій, объявилъ, что сегодня же рѣшился самъ, съ работникомъ своимъ и съ тѣми изъ нихъ, кто его послушается, начать работу; взялъ на плечо ломъ съ заступомъ и пошелъ въ горы. Прихожане, кто по увлеченію, кто изъ любопытства, захвативъ рабочій снарядъ, послѣдовали за пасторомъ, а онъ

уже въ потѣ лица и съ окровавленными руками вырывалъ кусты и сѣкъ камень. Увидавъ сходившійся народъ, Оберлинъ весело привѣтствовалъ его, и разставилъ всѣхъ по участкамъ. Много было труда: вырывали деревья, взрывали каменья, горнымъ ручьямъ отводили новое русло, и, наконецъ, возвели надежную стѣну по берегу рѣки Брейша. Оказался недостатокъ въ земледѣльческихъ снарядахъ, и Оберлинъ, изъ своего бѣднаго содержанія, 1200 франковъ (около 400 рублей на наши деньги), накупилъ орудій и устроилъ у себя складъ, давая въ долгъ каждому нуждающемуся. Частыя ломки и дороговизна чинки инструментовъ навели его на мысль отобрать лучшихъ мальчиковъ и отправить ихъ въ обученье разнымъ необходимымъ ремесламъ. Черезъ три года съ половиною, дорога была кончена, и Страсбургскіе жители съ удивленіемъ увидали ровную, хорошую дорогу въ Штейнталь. Никто не могъ понять, какъ бѣдный пасторъ, безъ ученыхъ инженеровъ, без казеннаго пособія,

предпринялъ и покончилъ такой громадный подвигъ одними своими прихожанами, которые, кромѣ работъ на дорогѣ, должны были еще пропитывать свои семьи. Оказалась еще необходимость въ мостѣ черезъ Брейшъ. Вмѣсто моста, доселѣ черезъ одну скалу на другую перекидывали дерево, черезъ которое переходили съ опасностью жизни; частыя несчастія на этой переправѣ заставили Оберлина, положа свою лепту въ кружку, идти къ друзьямъ въ Страсбургъ, просить милостыни на постройку моста. Страсбургцы уже знали его, и каждый, по силѣ своей, спѣшилъ помочь. Составился капиталецъ, разсчитывая на него и на труды прихожанъ. Оберлинъ принялся за постройку. Когда дѣло было кончено, тогда онъ, благословивъ трудившихся, назвалъ мостъ этотъ: *Мостомъ милосердія*, и съ тѣхъ поръ, мостъ милосердія хранитъ отъ несчастія паству добраго пастыря. Церковная служба, проповѣди, ученіе дѣтей, все это шло у Оберлина своимъ чередомъ. Приходъ у него былъ

лютеранскій, языкъ мѣшаный, но черезъ нѣсколько лѣтъ, молодежь заговорила образованнымъ французскимъ языкомъ; кромѣ того, отстала отъ грубыхъ привычекъ своихъ и сдѣлалась вѣжливой и послушной. Не даромъ учили ее: чти отца и матерь, — предъ сѣдиною встань и уважь лице старика; даже въ обращеніи людей зрѣлыхъ оказалась очевидная перемѣна. Жена Оберлина ревностно трудилась надъ дѣвочками; она брала ихъ по очереди къ себѣ, напередъ всего пріучала къ чистотѣ и къ порядку, мыться, чесаться, стирать бѣлье, чинить рубище свое, потомъ начала учить грамотѣ, а круглыхъ сиротъ взяла совсѣмъ на свое попеченіе. Три изъ нихъ: Луиза Шоплеръ, Катерина Шейдекеръ и Марія Мюллеръ усвоили на столько знаніе и нравственное развитіе своей наставницы, что сдѣлались лучшими помощницами въ дальнѣйшихъ заботахъ ея о приходѣ. Подготовивъ такимъ образомъ учительницъ, она устроила нѣчто въ родѣ теперяшнихъ пріютовъ для дѣтей отъ трехъ до десяти лѣтъ. Здѣсь ребенка начинали учить

правильно говорить, пріучали къ чистотѣ, порядку, вѣжливости, благонравію, учили читать, писать, считать, разсказывали имъ библейскую исторію, учили легкимъ работамъ, особенно старался Оберлинъ ввести въ употребленіе малоизвѣстные въ то время чулки, и даже выдавалъ въ награду не только дѣтямъ, но и взрослымъ за каждую связанную пару по 6 коп. сер. Узнавъ однажды, что въ деревнѣ Бельмонъ живетъ женщина, бывшая служанка пастора Штубера, Сара Банцетъ, которая хорошо вяжетъ чулки, и даже учитъ этому другихъ, Оберлинъ отправился въ Бельмонъ, переговорилъ съ нею, и взялъ къ себѣ на службу, поставивъ ее надзирательницею и учительницею въ своемъ пріютѣ. Даже прогулки дѣтскія не пропадали даромъ: наставницы знакомили дѣтей съ растительностью, называли по имени деревья, кусты и травы; толковали о пользѣ, а дѣти, запоминая названія и свойства растеній, весело разбѣгались, отъискивали знакомыя имъ травы и, принося ихъ наставницамъ, провѣряли

урокъ свой о питательныхъ, цѣлебныхъ или ядовитыхъ свойствахъ злаковъ. Часто они возвращались домой съ охапками травъ и цвѣтовъ; лекарственное зеліе сушили, съѣдомое ѣли, что у нихъ, по недостатку хлѣба, и при плохой почвѣ служило подспорьемъ. Иногда же наставницы объявляли ребятишкамъ, что сегодня пойдутъ по вредное зеліе, — дурную траву изъ поля вонъ гнать; дѣти вооружались колышками, деревянными лопаточками, смотрительницы же брали заступы и шли всѣ на поиски бѣлены и другихъ вредныхъ злаковъ. Найдя и разсмотрѣвъ хорошенько дурное растеніе, его уничтожали. Дѣти съизмалу знакомились съ пользой и вредомъ всего окружающаго, и если ребятишки не искоренили всѣхъ ядовитыхъ травъ, то, по крайнѣй мѣрѣ, умѣли распознавать и остерегаться ихъ. И во время голода, въ Вогезахъ никто изъ Штейнтальцевъ не умеръ отравою дикихъ травъ, какъ это зачастую случалось въ окружности. И такъ, кромѣ всего, нашъ Оберлинъ былъ первымъ основателемъ

дѣтскихъ пріютовъ! Тысяча бѣдныхъ семействъ обязаны ему призоромъ дѣтей своихъ. Однажды онъ затѣялъ построить новыя сельскія училища.

— Да скажи мнѣ, Фридрихъ, спросила его мать, — развѣ собранъ у тебя для этого капиталъ?

— Нѣтъ, спокойно отвѣчалъ онъ.

— Такъ скажи, ради Бога, какъ берешься ты за такое дѣло?

— Господь мнѣ поможетъ чрезъ своихъ помощниковъ, — черезъ добрыхъ людей, довѣрчиво сказалъ Оберлинъ. И надежда его не обманула, — черезъ нѣсколько лѣтъ, во всѣхъ пяти селеніяхъ Штейнталя были выстроены новыя училища.

Земледѣліе однакоже все еще оставалось въ прежнемъ весьма запущенномъ состояніи. Извѣстно, что крестьянинъ всего упорнѣе держится исконныхъ привычекъ своихъ въ домашнемъ и сельскомъ обиходѣ, тоже случилось и здѣсь: слова и убѣжденія Оберлина шли на вѣтеръ, — нуженъ былъ примѣръ на дѣлѣ. На церковной землѣ

было два огорода, мимо которыхъ проходили жители на поля свои; Оберлинъ захотѣлъ показать имъ примѣръ на этихъ огородахъ: одинъ изъ нихъ онъ обратилъ въ садъ, нарылъ своеручно ямъ, наполнилъ ихъ доброю землею и засадилъ плодовыми деревьями, яблонями, грушами, вишнями, сливами и грѣцкими орѣхами, отъ которыхъ сталъ дѣлать отводки. Вскорѣ, крестьяне, проходя мимо этой новости, стали заглядываться на цвѣтущій садъ и дивились, что деревья эти могли рости на такой безплодной почвѣ. Пасторъ старался объяснить имъ, что Богъ все даетъ человѣку, но даетъ не даромъ, а за труды его, и показалъ на дѣлѣ, какъ и чѣмъ достигъ онъ такого плодородія. Крестьяне не вдругъ переняли у него умѣнье прививать и дѣлать отводки, но изподволь; черныя избы окружились посадками плодовыхъ деревьевъ, что придало деревнѣ иной, болѣе веселый видъ; пасторъ, между прочимъ, требовалъ отъ молодежи, чтобы каждый и каждая изъ нихъ, кончая ученіе и приступая къ первому причастью,

праздновали день этотъ посадкой двухъ плодовыхъ деревъ, и для учениковъ и ученицъ его не было большей радости, какъ когда они могли поднести наставнику своему первые плоды этихъ посадковъ. Также поступилъ онъ и съ овощнымъ огородомъ. У жителей, какъ уже сказано выше, почти не было иной пищи, кромѣ картофеля, но и тотъ давно уже до такой степени выродился, что едва былъ годенъ. Оберлинъ съ трудомъ добылъ изъ разныхъ дальнихъ мѣстъ картофельныхъ сѣмянъ, и развелъ его у себя, улучшивъ для того почву, которая, какъ песчаная, была весьма къ тому пригодна. Вскорѣ, всѣ жители поняли доброту, вкусъ и плодородіе новаго картофеля, пошли съ просьбами къ батюшкѣ Оберлину, и получали отъ него картофель и наставленіе, какъ воздѣлывать почву. Благословеніе его легло на поля ихъ, и съ того времени, по нынѣшней день, въ Штейнталѣ такой избытокъ отличнаго, краснаго, круглаго картофеля, что жители не только сами питаются имъ, но и вывозятъ на городскіе базары, гдѣ берутъ

его на расхватъ. Оберлинъ зналъ, что песчаная почва также пригодна для льна; онъ выписалъ сѣмена изъ Россіи, черезъ Ригу, посѣялъ ихъ на своемъ участкѣ земли, смѣшавъ напередъ песчаную почву съ глиною. Прихожане внимательно смотрѣли на своего священника, который трудился съ работникомъ до поту лица, распахивая и перепахивая землю и раскидывая по ней глину; зазеленѣлись всходы, высыпалъ частый тонкій ленъ, потомъ зацвѣлъ на радость ребятишекъ голубымъ цвѣтомъ, но никто изъ нихъ и пальцемъ не тронулъ посѣва дорогаго батюшки, — такъ стали звать Оберлина въ его приходѣ. Обработка льна производилась на виду, и хотя никого не звали помогать, однако любопытныхъ было не мало, — всѣ дивились на невиданный ленъ. Жена Оберлина, сидя подлѣ трепалки, сказала: — если кто изъ дѣвушекъ или изъ женщинъ пожелаетъ быть тонкопряхой, то пусть прійдетъ въ назначенный часъ, когда она занимается сиротками, и тогда она сама охотно научитъ

ихъ этой работѣ. Но крестьянки отказались, говоря: — дочери наши не мамзели, имъ тонкая пряжа не нужна, намъ нужна лишь посконная дерюга!

И такъ, ленъ убрали, перетрепали, перечесали, стали прясть, а изъ прихожанокъ никто и не заглянулъ въ комнату пасторши, никто не видалъ, какъ она, окруженная своими крошечными дѣтьми, безъ устали занималась сиротами. Разъ лѣтомъ, въ церкви, нѣкоторыя сиротки обратили на себя вниманіе женщинъ.

— Это откуда? небось изъ городу у васъ такія бѣлыя, тонкія рубашки?

— Нѣтъ, отвѣчали онѣ, — это дорогая матушка переткала со служанкой нашу пряжу и пожаловала намъ холстъ, а мы сшили себѣ по рубашкѣ.

Женщины призадумались. Межъ тѣмъ, не подалеку отъ Штейнталя открылась бумажная ткацкая фабрика. Чтобы пріохотить женщинъ къ заработкамъ, пасторша взяла на себя небольшую поставку, выполнила ее со своими

ученицами отлично, и ей очень хорошо заплатили за работу. Молва о неслыханной дотолѣ платѣ разнеслась по приходу, и вотъ, изо всѣхъ пяти деревень, старый и малый поспѣшилъ в школу Магдалины Оберлинъ. Старанія увѣнчались большимъ успѣхомъ; — въ короткое время много оказалось хорошихъ пряхъ. Видя заработки женъ, мужья, въ дурную погоду, которая въ Штейнталѣ длится около восьми мѣсяцевъ, принялись также за пряжу, и по счетнымъ книгамъ фабриканта Ребера, значится, что съ мая 1785 года, по май 1786, Штейнтальцамъ уплачено за работу тридцать двѣ тысячи франковъ, деньги неслыханныя и невиданныя дотолѣ, и все это досталось имъ неутомимымъ стараніемъ Оберлина и жены его. Народъ въ восторгѣ пришелъ благодарить ихъ. Тогда пасторъ, видя возрастающее довѣріе прихожанъ, предложилъ имъ разныя улучшенія, какъ-то: раздѣлить общій выгонъ на участки, по семейно, очистить отъ каменьевъ, прорыть канавы для стока воды, вспахать землю и засѣять ее клеверомъ. Затѣмъ, пригласилъ

крестьянъ къ себѣ на скотній дворъ, показалъ имъ сѣно, снятое съ удобреннаго такимъ образомъ и засѣяннаго луга, и растолковалъ, что скотъ дома, у хозяина, бываетъ всегда въ лучшей холѣ, въ лучшемъ тѣлѣ и даетъ болѣе молока. Прихожане порѣшили быть–де по батюшкину слову. Тогда Оберлинъ сказалъ имъ: — Дѣти, за нами предъ Господомъ есть долгъ; пока вы были въ нищетѣ, я молчалъ, но теперь скажу вамъ слова *Закона*, даннаго народу Божію чрезъ Моисея: дай десятую долю произведеній своихъ Левиту (священнику), пришлецу, сиротѣ и вдовѣ, чтобъ они ѣли и насыщались, а самъ скажи: Господи, я отдѣлилъ святыню и отдалъ ее по повелѣнію твоему левиту, пришлецу, сиротѣ и вдовѣ.

— Хотите–ли исполнить эту заповѣдь Господню, за всѣ милости Его къ вамъ? спросилъ священникъ.

— Хотимъ! единодушно отвѣчали прихожане.

Тогда онъ вынесъ кружку и поставилъ ее для сбора. Магдалина Оберлинъ первая

вложила десятую долю своихъ заработковъ, пасторъ же объявилъ, что не только свою левитскую долю разъ навсегда отдаетъ изъ десятины приходской, но и изъ дохода будетъ ежегодно выдѣлять десятую часть, и вносить ее на бѣдныхъ. Съ этого самого дня, въ Штейнталѣ былъ положенъ конецъ нищенству и бродяжничеству. Впослѣдствіи, Оберлинъ, съ помощію страсбургскихъ друзей своихъ, устроилъ также особую приходскую кружку для ссудъ, единственнымъ обязательствомъ которыхъ было строгое исполненіе займовыхъ сроковъ, — отсрочка давалась по усмотрѣнію хозяина, то есть самого пастора. Какъ много ни трудился Оберлинъ надъ вещественнымъ благосостояніемъ своихъ прихожанъ, но самой сердечной заботой его было ихъ нравственно–религіозное развитіе; зная, что только правила, данныя въ Словѣ Божіемъ, могутъ развить это чувство и тѣмъ поднять человѣка на опредѣленную ему ступень, — онъ еженедѣльно, кромѣ воскресной службы, собиралъ у себя прихожанъ,

читалъ имъ Слово Божіе, толковалъ Его, примѣняя къ быту прихожанъ. Все это дѣлалось просто и семейно: женщины сходились со своимъ рукодѣльемъ и, если Оберлинъ замѣчалъ, что старики начинали утомляться, то онъ пускалъ въ круговую свою большую табакерку, которая всѣхъ освѣжала. Табакъ былъ тогда предметъ роскоши, не всѣмъ доступной. Послѣ такой бесѣды, прихожане съ легкимъ сердцемъ расходились по раскинутымъ жилищамъ своимъ, и не трудно себѣ представить, съ какимъ отраднымъ чувствомъ пасторъ съ пасторшею провожали глазами разсыпавшуюся толпу. Однако, прихожанамъ не долго пришлось радоваться на свою дорогую матушку; Господь послалъ имъ и наставнику ихъ великое испытаніе: Марія Магдалина Оберлинъ внезапно скончалась, оставивъ мужа, дѣтей и приходъ въ неописанномъ горѣ. Всѣ думали, что Оберлинъ не переживетъ своей утраты; но послѣ тяжкой годовой болѣзни, онъ кое–какъ оправился и поступилъ опять на служеніе Господу и людямъ; однако,

желаніе соединиться съ супругой не покидало его до послѣдняго дня жизни. Дѣла въ Штейнталѣ пошли своимъ чередомъ; подростающія дѣти и ученицы покойной пасторши, теснѣе сблизились съ Оберлиномъ; каждый требовалъ своей доли въ трудѣ *дорогаго батюшки*, а его трудъ былъ неизчерпаемъ. Дѣти и прислуга считали за честь даже самыя послѣднія работы на пользу ближняго. Луиза Шоплеръ, бывшая воспитанница и помощница жены Оберлина, послѣ ея смерти, со слезами просила пастора принять безденежно ея посильныя услуги. Дѣвушка эта приняла на руки подростающую семью, домъ, хозяйство и, вмѣстѣ съ другими воспитанницами покойницы, дѣлила заботы о школѣ малолѣтнихъ. Со временемъ, этотъ Оберлиновскій дѣтскій пріютъ сдѣлался образцомъ для всей Европы. Луиза, за всѣ труды свои, выпросила себѣ одну велчайшую награду: чтобы *дорогой батюшка* звалъ ее дочерью.

Настало во Франціи страшное время революціи. Необузданный народъ низпровергалъ все: короля, правленіе, церкви и наконецъ объявилъ, что нѣтъ Бога! Неизвѣстно, до чего бы дошла подобная необузданность въ прежнемъ Штейнталѣ, но теперь, послѣ двадцатишестилѣтняго неусыпнаго старанія Оберлина, въ приходѣ его все осталось въ должномъ порядкѣ. Богобоязливый Штейнтальскій народъ съ отчаяніемъ узналъ о рѣшеніи новаго Правительства запереть церкви и упразднить священническія мѣста; противиться начальству было не возможно; за ослушаніе гибли цѣлыя сотни и тысячи людей. Сельское начальство, скрѣпя сердце, покорилось, и заперло церкви, но не могло разстаться съ благодѣтелемъ своимъ. Они собрали не большую сумму, которая едва равнялась четверти прежняго казеннаго содержанія священника, и предложили ему, съ этимъ жалованьемъ, мѣсто народнаго учителя. Переименованный въ сельскіе учителя, Оберлинъ не пересталъ поучать

духовныхъ дѣтей своихъ высшему, лучшему знанію, — знанію слова Божьяго. Тогда какъ по всей Франціи бушевало безначаліе и безвѣріе, въ одномъ только бѣдномъ уголкѣ Оберлиновскаго прихода царствовало спокойствіе, радушіе и богобоязненное милосердіе. Пасторъ и прихожане великодушно принимали несчастныхъ бѣглецовъ, укрывали и помогали имъ, чѣмъ могли. Оберлинъ ставилъ въ главѣ всѣхъ гражданскихъ законовъ, Законъ Божій: «возлюби Господа Бога своего всѣмъ сердцемъ твоимъ, всею душою твоею и всѣми помышленіями твоими, и ближняго твоего, какъ самого себя». Правила эти были такъ твердо внушены прихожанамъ, что, по милосердію ихъ, во всѣхъ пяти селеніяхъ не было ни сиротъ, ни нищихъ. Если кто погоралъ или бѣднѣлъ, то всѣ на перерывъ складывались, какъ и чѣмъ могли; если оставались сироты, то ихъ разбирали по рукамъ и заботились о нихъ какъ о собственныхъ дѣтяхъ. Во время безначалія и ужаса въ республикѣ, благомыслящіе люди во

Франціи не знали, какъ воспитывать дѣтей своихъ, и многіе обратились съ просьбою къ Оберлину. Онъ сначала сталъ принимать къ себѣ въ домъ и училъ ихъ вмѣстѣ со своими дѣтьми, но вскорѣ число стороннихъ учениковъ до того увеличилось, что понадобилось болѣе просторное помѣщеніе, которое быстро выстроилось заботливостью Оберлина и помощію добрыхъ людей. Путешественники, видѣвшіе Оберлиновское заведеніе, приходили въ восторгъ отъ простоты нравовъ, общаго доброжелательства и умственно–научнаго развитія воспитанниковъ и воспитанницъ, которые питали истинное благоговѣніе къ дорогому батюшкѣ и взаимную, неизмѣнную дружбу. Много вышло замѣчательныхъ людей изъ рукъ Оберлина, тѣ же, что были средняго ума, взросшіе однако въ мудрыхъ, христіанскихъ правилахъ, не разъ въ жизни брали перевесъ надъ такъ называемыми *мудрыми* и *разумными*, не принадлежавшими къ Оберлиновскому разсаднику. Воспитанники его отличались

необыкновенно дѣятельной и полезной жизнію, они до конца сохранили золотое правило воспитателя своего: на все — время молитвѣ, труду и отдыху. Стоя на молитвѣ, не развлекайся, помни, что просишь и бесѣдуешь съ Отцомъ небеснымъ и что Онъ внемлетъ тебѣ; принимаясь за работу, помни, что, совѣстливо работая, исполняешь долгъ передъ Богомъ и людьми, и потому, работая ничѣмъ не развлекайся, ни горемъ, ни радостію, ни даже молитвою. Суесвятства и ханженства онъ не терпѣлъ, — былъ веселъ, добръ, привѣтливъ и шутливъ; ученики подражали ему, и потому, Штейнталь, по словамъ путешественниковъ, былъ самымъ пріятнымъ уголкомъ. И чего не завелъ у себя своими руками добрый пасторъ: и травники, и аптеку, и столярный и слесарный станокъ, и книгопечатаніе, гдѣ печатались его научныя сочиненія для прихожанъ, также и календари, составленные имъ самимъ, и топографическія карты ихъ округа.... да всего не перечтешь, что сдѣлалъ этотъ

дивный человѣкъ. Ему удивлялась не одна Франція, а вся читающая Европа; самые знаменитые люди считали за честь знакомство съ Оберлиномъ. Не помню, кто то сказалъ: что правительство Франціи, возлагая на Оберлина знакъ почетнаго легіона, возвеличило тѣмъ самымъ свой орденъ. Въ Русско–Французскую войну, когда наши русскіе войска подошли къ Вогезамъ, въ Эльзасѣ, то покойный императоръ Александръ послалъ въ Штейнталь охранный листъ, и назначилъ отъ себя почетный караулъ Оберлину. Послѣ этого, не разъ императоръ наказывалъ поклоны и увѣренія въ своемъ глубокомъ уваженіи *дорогому батюшкѣ*, какъ называлъ его самъ государь. Оберлинъ умеръ восьмидесяти пяти лѣтъ (родился 1740 и скончался 1825 года), около шестидесяти лѣтъ онъ благотворилъ въ Вогезахъ, его равно уважали, какъ лютеране, такъ и католики, послѣдніе даже сходились слушать его разумныя проповѣди; онъ одинаково, безъ различія вѣроисповѣданія, помогалъ бѣднымъ, но

никогда не потворствовалъ бродяжничеству; — за каждое подаяніе заставлялъ что нибудь да сдѣлать: выполоть ли гряду, принести ли ведро воды, или собрать съ дороги нѣсколько каменьевъ и снести ихъ въ ближайшее болото. — Вотъ, Лина, я многое сообщила о Штейнтальскомъ пасторѣ; но и сотой доли не могла передать тебѣ изъ его прекрасной жизни. Онъ зналъ и завелъ у себя въ приходѣ всѣ необходимыя ремесла, завелъ библіотеку священныхъ, историческихъ, географическихъ, физическихъ и прочихъ полезныхъ книгъ, подписывался на газеты и журналы, и пускалъ ихъ по приходу. Когда народонаселеніе увеличилось въ семеро, и оказался недостатокъ земли, то для прокормленія народа понадобились новыя ремесла, и Оберлинъ завелъ у себя плетеніе соломенныхъ шляпъ, пряжу хлопка и тканье. Но такъ какъ введеніе въ городахъ ткацкихъ машинъ опять отняло хлѣбъ у Штейнтальскихъ ткачей, то Оберлинъ сталъ искать помощи на сторонѣ. Онъ перезвалъ изъ Швейцаріи богатаго фабриканта

Леграна съ его ленточной фабрикой, и этимъ вновь помогъ бѣдѣ. Оберлинъ ввелъ въ своихъ пяти приходахъ отличный, образованный французскій языкъ, осмыслилъ и развилъ любовь къ родинѣ. Въ Эльзасѣ можетъ быть болѣе, чѣмъ гдѣ во Франціи, народъ гордится именемъ француза, и пруссакамъ дорого обойдется обнемѣченье бѣдныхъ нашихъ Вогезовъ.

— Мама, ты сказала *нашихъ* Вогезовъ, развѣ мы оттуда? спросила Линочка, успѣвшая уже полюбить эту страну.

— Бабушка твоя была одна изъ первыхъ воспитанницъ Оберлина, отвѣтила мать.

— Ахъ, душка моя, какъ я этому рада! сказала восхищенная дѣвушка.

— Ну, дитя мое, теперь скажи же мнѣ, какого предка пожелала бы ты: знатнаго ли владѣльца Штейна, или бѣднаго Штейнтальскаго пастора?

— Его, мамочка, конечно его, Оберлина! — онъ такой хорошій! какъ бы я желала его видѣть! сказала Лина, сжимая ручёнки.

Мать встала и, порывшись въ завѣтномъ семейномъ ящикѣ, достала оттуда круглую, большую, черепаховую табакерку, въ крышкѣ коей вдѣланъ былъ акварельный портретъ маститаго старца въ парикѣ, въ черной одеждѣ съ почетнымъ легіономъ на груди; въ возвышенномъ челѣ и во всемъ видѣ было что–то величавое, даже нѣсколько строгое, но сердечная доброта глазъ и рта до такой степени смягчала лице это, что не хотѣлось отъ него оторваться.

— Мама, пусть, хотя шутя, онъ будетъ моимъ предкомъ, моимъ дѣдушкою! да, мама? позволь дорогая моя мамочка!

— Позволяю! сказала улыбаясь Эмилія Федоровна. — Линочка имѣла болѣе права, чѣмъ въ шутку, назвать почтеннаго Штейнтальскаго священника своимъ дѣдушкой, но мать ея, боясь возбудить въ дочери тщеславіе и похвальбу, которыя такъ сродны дѣтямъ, умолчала о родствѣ своемъ.

Лина пришла въ такой восторгъ отъ всего слышаннаго ею, что, хватаясь за руки матери, упрашивала разсказать еще что

нибудь о своемъ названномъ дѣдушкѣ. Подумавъ немного, Эмилія Федоровна отвѣчала, что о шестидесятилѣтней пасторской дѣятельности Оберлина исписаны цѣлыя книги, но что она готова разсказать дочери нѣсколько семейныхъ подробностей о нравѣ, обычаяхъ и привычкахъ его. — Ты видишь, по портрету, какое у него умное, пріятное лице? говорятъ, однако–же, что на дѣлѣ прекрасная душа пастора была еще виднѣе. Онъ былъ очень высокъ, статенъ и силенъ, всегда одѣвался просто, но опрятно; терпѣть не могъ модъ, которыя въ тѣ времена не только были странны, но иногда даже не приличны. — Скажите пожалуйста, спросилъ онъ однажды франта въ новомодной прическѣ, посѣтившаго Штейнталь, длинные волосы котораго болтались по сторонамъ, торчали на макушкѣ и, закрывая лобъ, падали комами на глаза, — скажите пожалуйста, спросилъ Оберлинъ, — что это такое? неужели нынѣ свѣтскіе люди боятся прямо глядѣть въ глаза? Госпть понялъ намекъ, и, къ

удовольстію пастора, откинулъ и пригладилъ волосы.

Всѣ мальчики и дѣвочки, опредѣляясь въ Оберлиновское училище, добровольно бросали свои модные наряды, мѣняя ихъ на скромную мѣстную одежду. — Чистота и опрятность соблюдались имъ во всѣхъ мелочахъ; въ рукописяхъ его не было ни пятнышка; выходя гулять, онъ подбиралъ съ дороги прутья и камни. Для всего этого опредѣлялось особое мѣсто; прутья сжигались, а камни онъ доносилъ до одной ямы, которую, какъ говорятъ, въ продолженіи тридцати лѣтъ закидалъ своими руками; яма эта находилась не далеко отъ дороги, по которой онъ проходилъ раза четыре въ день. Во всѣхъ дѣлахъ онъ руководствовался самымъ строгимъ порядкомъ: у него буквально ничто не пропадало даромъ, ни пяди земли, ни деревца, ни ветошки, каждый лоскутъ шелъ въ дѣло. Однажды, какой–то путешественникъ засталъ Оберлина за раскройкой старой лосиной фуфайки на рукавички въ малолѣтное училище; пасторъ

кроилъ, а дѣти его, сыновья и дочери, дружно сидѣли и шили. Отъ всѣхъ получаемыхъ имъ писемъ, онъ тщательно отрывалъ чистыя странички и шилъ изъ нихъ тетради для тѣхъ же малолѣтнихъ дѣтей. Каждая ничтожная картинка, каждая пестрая бумажка, аптечная коробочка, цвѣтная тесемочка, все это пряталось для ребятишекъ и раздавалось имъ при особыхъ случаяхъ; — неизбалованныхъ дѣтей радуетъ всякая бездѣлица. Вслѣдствіе того же порядка, Оберлинъ требовалъ, чтобы за столомъ сидѣли чинно, брали кушанья столько, сколько каждый могъ съѣсть, ничего не оставляя на тарелкѣ; по той же причинѣ запрещалъ крошить и разбрасывать хлѣбъ вокругъ прибора и катать изъ него шарики. Однажды, у него обѣдалъ президентъ департамента; онъ, шутя съ дѣтьми, бросалъ въ нихъ черезъ столъ шарики; посреди этой забавы, Оберлинъ всталъ съ мѣста и самъ подобралъ хлѣбные катышки. Президентъ повернулъ дѣло въ шутку, говоря: — Почтеннѣйшій господинъ пасторъ, извините

меня, я право не зналъ, что вы этого не любите; но вѣдь хлѣбъ вашъ не пропадетъ даромъ, шарики выметутъ и ихъ склюютъ куры. Оберлинъ, съ обычной вѣжливостью своей, отвѣчалъ ему: — Слишкомъ много чести для моихъ куръ, чтобы Ваше Превосходительство заботилось объ ихъ кормѣ. Еще одною изъ особенностей пастора было тщанiе, съ которымъ онъ выписывалъ цифры и буквы, говоря, что не только не вѣжливо, но и не милосердо заставлять людей разбирать свое царапанье и тѣмъ отнимать у нихъ время и портить имъ глаза. Въ получаемыхъ письмахъ, онъ подчеркивалъ то, на что слѣдовало отвѣчать, а въ книгахъ отмѣчалъ то, что заслуживало его особаго вниманiя. Кто бы ни входилъ къ нему изъ прихожанъ или изъ его дѣтей, онъ никогда не бросалъ своего дѣла, а дочитывалъ или дописывалъ до точки, и тогда уже съ привѣтливымъ вопросомъ оборачивался къ пришедшему. Но главной и постоянной его заботой было, чтобы тѣло не брало перевѣса надъ духомъ, — и это даже въ самыхъ мелочахъ;

замѣчая, напримѣръ, что слишкомъ часто хватается за табакерку во время спѣшной работы, онъ отставлялъ ее подальше отъ себя, а иногда запиралъ въ шкапъ, говоря: — отойди, не смущай, и не отвлекай меня отъ дѣла.

— Ну вотъ тебѣ, моя Линочка, все то, что я могла припомнить о нашемъ славномъ дѣдушкѣ.

Дѣвочка припала къ матери и, крѣпко цѣлуя ее, благодарила за разсказъ.

В. ДАЛЬ